

Апокриф
Харай древо
и
Эликсир Бессмертия

Дмитрий Кузнецов

Кузнецов Дмитрий

**Апокриф Харай древо
и Эликсир бессмертия**

«Автор»

2026

Дмитрий К.

Апокриф Харай древо и Эликсир бессмертия / К. Дмитрий —
«Автор», 2026

Первый том эпического тёмного фэнтези, в котором сплетаются воедино кодекс чести, магия вечной жизни, древние пророчества и наследие катастрофы, изменившей мир. Император Тикура отправляет пять кораблей на поиск загадочного архипелага Дюкай — земля, которую его прадед описал как обитель бессмертных. Среди двух сотен участников похода — преступники, приговорённые к смерти, генерал Хакурои, художник Рамандас и отец близнецов из клана Им'Сай. Никто не подозревает, что архипелаг уже не тот, что столетие назад. Бог жертвоприношений пал от рук собственной жрицы, тот, у которого император хотел купить бессмертие, никто этого не знал, как и то, существует ли архипелаг вообще. Но спустя десять лет в Арандур возвращается лишь один корабль. В его трюме — гора изувеченных тел, поверх которых цветут неведомые цветы. Единственный выживший — генерал Хакурои, превращающийся в растение. Его разум хранит тайну, способную изменить судьбу многих.

© Дмитрий К., 2026

© Автор, 2026

Кузнецов Дмитрий

Апокриф Харай древо и Эликсир бессмертия

Апокриф: Эликсир бессмертия

Глава 1. Экспедиция

802 г. от С. П. Арандур.

Пока карнаатцы в стране света занимались своими кодексами и строительством новых столиц, на другом краю света, в Арандуре — стране мечников и пути ветра — недосчитались пяти кораблей, отправленных в экспедицию на поиски эликсира вечной жизни. Эта история — о клане Имэ'Кагай, владения которого простирались почти на половину арандурской земли, но императору того времени было мало. Другая половина запада была раздроблена на небольшие кланы и нейтральные земли.

Однажды в небольшом клане Им'Сай на свет явились близнецы — Квэй и Хисуо. Особенностью клана были родовые пятна в форме ветра, означавшие благословение Фудзиро. Только вот у Квэя не было такой метки, посему отец всегда относился к нему снисходительно, но не более — без веры в будущее младшего сына как воина. Вопреки ожиданиям отца, Квэй со всем рвением, начиная с пяти лет, упражнялся в искусстве фехтования.

Братья не знали своей матери: она погибла при родах, не пережив появления на свет младшего — того, кто был без знака ветра. Это являлось, пожалуй, главной причиной презрения Квэя собственным отцом.

Уже в пятнадцать лет братья вовсю сражались друг с другом ежедневно. Хисуо с каждым днём битвы давались всё тяжелее и тяжелее, а Квэй овладевал фехтованием не только клинка, но и короткого оружия, томагавка и даже копья. Всё изменилось с приходом в их земли представителей Имэ'Кагай, которые нанимали добровольцев для участия в экспедиции. Клан Им'Сай был небольшим вассальным кланом, а главным противником империи являлся клан Агатерай'Рю на севере.

Отец братьев мечтал послужить великому клану и воспринял это как шанс судьбы. Видя, что сыновья уже не дети и хозяйство можно оставить в надёжных руках, он принял решение отправиться в столицу.

Около двух сотен добровольцев прибыло на место, в том числе и преступники, приговорённые к смерти. Отцу братьев всё это показалось сомнительным, но жажда славы оказалась сильнее. Император Тикура пообещал помилование любому приговорённому, кто добудет эликсир бессмертия, а также место проживания в столице Имэ'Кагай. Вопросов было очень много, преступники особенно дерзки в выражениях — некоторых из них обезглавили на месте за дерзость.

— Бессмертие? Чего? Что это за чушь собачья? Может, ещё фею ему отыскать? — Император умом тронулся, верните меня обратно на рудник.

Внезапно сам император вышел вперёд и развернул большой рисунок художника, изображающий залив некоего архипелага и виднеющуюся вдали за лесами вершину пирамиды.

Тикура: Эти земли не вымысел, уверяю вас. Однажды мои предки нашли их. Идолопоклонники обладают секретом вечной жизни. Эту картину составил мой прадед, он видел эти земли своими собственными глазами.

— Ваше величество, это похоже на остров со своей культурой, великой, судя по вершине такого сооружения. Но с чего столько уверенности в волшебном зелье? Бессмертие? Есть хоть одно свидетельство, что оно существует?

Тикура: Оно существует, так же как в забытую эру бессмертные ходили по земле вместе с нами. Та земля — это древнее наследие, уцелевшее после сами знаете чего. Вы добудете мне секрет вечной жизни, на этом всё. Отправляйтесь в путь или лишитесь головы, выбор за вами.

Отец братьев хоть и не был бандитом, но воспринял эти слова и на свой счёт тоже. Император был неумолим и решителен в своих желаниях.

Тикура: Вы должны быть счастливы и благодарны за такой шанс. Вам оказана честь принять участие в этом походе. Пять судов из флота Имэ'Кагай понесут вас к цели, ветра Фудзиро укажут путь. Генерал Хакурои поведёт вас.

Хакурои: Господин, что делать, если местные ополчатся на нас? Всё-таки нас не десять идёт в поход, в неведомых землях вряд ли мы пройдем скрытно. Нас слишком много для скрытого замысла и слишком мало, чтобы вести войну. Всего две сотни, и не все из них держали в руках оружие.

Тикура: Сперва найдите этот архипелаг, генерал. Помните о своей цели. Ваша цель — не умереть глупой и нелепой смертью, не разжигать конфликт, а добыть то, что велено. Договоритесь с ними, подкупите, запугайте или пообещайте богатство. В крайнем случае вы должны вернуться с картой к этой земле. Но если будут проблемы с язычниками — делай то, что нужно.

Глава 2. Возвращение генерала

Больше братья отца никогда не видели, но спустя полгода в южном порту показалось судно с разобранными парусами. Это было одно из судов экспедиции, но с ним было что-то не так. Когда оно причалило, стало понятно: оно составлено магией по частям из всех пяти кораблей, а внутри служащих порта ждал кошмар — части тел арандурцев, поверх которых цвели неведомые, но прекрасные растения. На вершине этой гротескной горы в трюме лежал единственный выживший — генерал Хакурои. У него не было руки и ноги, одеяния были разорваны, но из всех ран и увечий также росли цветы, даже вместо глаз у него были подобия лиловых пионов. Он был жив и улыбался, словно испытывая непонятное счастье. Мейстеры, осмотрев его, пришли к мнению, что цветы ядовиты и это может быть заразно. На вопросы он отвечал непонятными речами.

Хакурои: Как же она прекрасна и ужасна, беспощадна и заботлива. Вечная Матерь... Спасибо тебе за дарованное прощение.

Тикура: Ты нашёл эту землю? Что там случилось? Кто это сделал?

Хакурои: Она любит своих детей, господин. Вы лишь червь на её фоне. Она простила наши злодеяния, мы стали частью её сада. Она — прекрасная богиня.

Император велел найти прорицателей, пока генерал не испустил последний вздох, дабы они ответили, где он был и что произошло с пятью командами экспедиции и с самими кораблями. С десятков пророков нашлось, но все они начинали бредить или в ужасе уходили из палаты, где содержался генерал, и лишь один смог дать некоторые ответы.

— Господин, этот поход осквернил чужую землю, гнев того места не терпит отлагательств. Сущность жизни и смерти сплелась в единую гармонию, оберегающую древний архипелаг. Жрица, восставшая против бога жертвоприношений, теперь властвует на нём, и она беспощадна к таким, как мы.

Тикура: Сколько у него ещё есть времени?

— Времени? Он не умирает... В привычном для нас понимании этого процесса. Посмотрите, всё очевидно: он превращается в растение, господин. Вскоре генерал перестанет быть человеком. Я бы настоятельно советовал не оставлять его здесь, иначе помещение может начать зарастать... этим. Возможно, оно заразно. Вашим мейстерам нужно взять пробы, но без прикосновений к мицелиям.

Тикура: А может, соки этих колдовских цветов содержат эликсир? Может, это и есть бессмертие?

— Смотря какой будет конечная форма превращения и как долго эти цветы будут цвести до стадии увядания. Если вы, конечно, не желаете стать цветами в посмертии, господин. Это всё нужно исследовать, но на выздоровление генерала, каким вы его знали, надеяться не стоит. Прошу простить, но мне пора осмотреть корабль, совет ждёт меня.

Тикура: Делайте, что должны, империя не забудет ваших трудов. Но сперва расскажите, что именно произошло, что вызвало гнев той ведьмы. Расскажите правду, какой бы она ни была. Обещаю вам неприкосновенность за искренность.

— Преступники, насильники, грабители и прочая нечисть, которую вы собрали для похода. Зачем вы это сделали? Неужели вы думали, что они выполняют вашу волю? Да для них это была земля обетованная, где они могут воплотить в жизнь всю свою порочность, земля, где нет арандурских законов. Они разорили маленькую и тихую прибрежную деревню, увидели прекрасных дюкайских девушек. Их сыновья и мужи хотели защитить их. А после того, что они совершили, пришла она... И гнев её сада следом. Они хотели познать и её плоть, но ужас начался немедленно. Они познали суд Вечной Матери. Она — бессмертная плоть и кровь, садовница, мать, потерявшая однажды любимое дитя, смотритель, судья, свидетель и палач в одном едином лице. То, что произошло с генералом, — это милосердие. Если бы вы видели страдания остальных... Она и её озверевший сад из глубин рвали на части всех.

Император погрузился в раздумья и уныние. Тикура понимал, что совершил ошибку, стоившую ему мечты. Бессмертные земли были найдены, он даже не надеялся, что это случится так скоро, но отбросы арандурского народа, которых он желал очистить от скверны, дабы и они послужили благу для страны, лишь сотворили горе мирному народу древности и вызвали ярость жрицы, за спиной которой стоят и жизнь, и смерть. Немногим позже он вновь призвал к себе прорицателя.

Тикура: Она не может быть божеством во плоти, это невозможно. Фудзиро никогда не был смертным, великий дух ветра — лишь сверхсущность.

— Вам трудно будет это понять, господин. Я сам пытаюсь осознать, и даётся это с трудом. Это знание ломает всё наше представление о таких вещах.

Тикура: Говори.

— Фудзиро признаёт её равной себе. Её коснулись извечные духи, те, которые сотворили однажды ветер в этом мире. Они избрали её почти двести лет назад, дабы она низвергла тварь не от мира сего. Багул требовал их детей каждый год и обещал им за эти дары магическое потомство — чародеев, которые родятся из утроб дюкайских женщин. И вот однажды он потребовал дочерей жрицы Кастинель. Если бы он только знал, чем это для него кончится... Она потеряла свою младшую дочь, но смогла спасти старшую, выгнать из царства хаоса Багула в мир живых, сразиться с ним и обезглавить.

Тикура: Значит, это было после того, как прадед там побывал. Он там был во времена тех самых ритуалов и подношений. Но всё равно, это всё звучит как чепуха.

— Вы видели остальных подобных мне. Одни нашли в разуме генерала кошмар, другие разделили его счастье.

Тикура: А что насчёт тебя?

— Похоже, мне было велено рассказать вам эту историю, сохранив своё «я». Кастинель — это в первую очередь мать, потерявшая ребёнка, родного ребёнка. После её паломничества на Остров Душ она переродилась в нечто, называемое Вечной Матерью. Её детьми стали все дюкайские жители, а её домом — весь архипелаг, полностью. Она будет защищать свой дом, сад и семью до конца времён. Она искоренила всё язычество, всех культистов, что не отреклись от бога-изувера. Я бы не посоветовал отправлять туда новые походы, если, конечно, не желаете, чтобы она отправила в Арандур своих детей или, того хуже, явилась лично. Я убеждён в одном, господин: она знает, откуда прибыли корабли. Арандурцы стали удобрением для её сада, а их знания прибавились к нему, а значит — и к её собственному.

Глава 3. Братья Им'Сай

Шло время. Квэя взяли на служение в армию императора, а Хисуо занял место своего отца как настоятель клана Им'Сай. Тело генерала странным и непонятным образом стало достопримечательностью столицы. Причуду императора немногие одобрили, но перечить его прихоти не посмел никто.

Генерал Хакурои уже давно не подавал признаков жизни. Десять лет прошло с тех самых пор, как останки экспедиции вернулись домой. Однако он не постарел и не истлел ни на день. Улыбка счастья, покрытая прекрасными цветами, всё так же сияла на его лице. Он словно обрёл вечность. Многие арандурцы, от простолюдинов до высших чинов, приходили в сад Хакурои посмотреть на его сердце, коим и стал генерал, поразмышлять о самых разных вещах, глядя на того, кто был в бессмертных землях.

Квэй готовился вступить на пост генерала. Император видел в нём идеальную замену и светлое будущее. Искусства клинка, которые он оттачивал, не были похожи ни на что известное ранее. Мастер Квэй — так называли его последние несколько лет.

Хисуо тем временем готовил клан к ритуалу почтения предков подношениями священных благовоний в месте под названием Тайная вершина. Старший брат так и не смирился с неизвестной судьбой отца и жаждал докопаться до правды. Клан Имэ'Кагай постарался скрыть произошедшее с экспедицией. Единственное, что было известно, — это судьба генерала. Об остальных двух сотнях пропавших императорский двор велел помалкивать, если желают сохранить головы на плечах. Люди часто задавали вопросы портовым служащим той гавани, но те лишь пожимали плечами, хоть по глазам и было понятно: они знают, но им страшно... открывать рот про это.

О сгинувших преступниках никто не переживал, но там были и известные в некоторых кругах личности, такие как спивающийся, но талантливый художник Рамандас. Сей небольшой деятель искусств тоже был участником похода. Его и несколько десятков других примерных арандурцев частенько спрашивали, не видел ли их кто в гавани, может, другие корабли вернулись домой. Хисуо также расспрашивал их об отце.

Хисуо: Я по твоей роже вижу, всё понятно. Сколько те собаки заплатили за молчание? А? Сколько?

— Господин, вы не понимаете, дело не в золоте. Я хочу жить, и моя семья тоже. Прогуляемся к реке Тиу, господин.

Когда они добрались до безлюдного места, служащий гавани затрясся от страха.

Хисуо: Обещаю, это останется между нами, клянусь ветрами Фудзиро.

— Всего одно судно вернулось, а в трюме был сущий ужас. Там было всё в крови и кусках арандурцев. Именем Фудзиро, император заключил договор с демонами.

Хисуо: А выжившие? Неужели все мертвы?

— Только один.

Хисуо: Где он? Кто это? Это отец?!

— Идите в столицу, если не боитесь увидеть нечто страшное. Слухи говорят, что там уцелевший из экспедиции.

Старший брат отправился к столице империи в надежде увидеть своего отца. Он надеялся, что люди императора спасают героя из Им'Сай, но, к своему ужасу, весь путь проделал напрасно. Он увидел тело Хакурои в имперских садах, похожее на растение. Пришло осознание того, что отец либо пропал, либо мёртв. Хисуо подождал, пока начнётся пересмена гвардии и новое жуткое достояние имперской династии будет без присмотра. Хисуо видел, что генерал жив и даже произносит слова. При полуночи, едва лишние глаза исчезли, Хисуо Им'Сай подбежал к генералу, уже похожему на прекрасную посадку пурпурных, тёмных и белых роз, а также всех тех цветов одновременно — словно слияние вечности. Он тормозил генерала, пытаясь получить ответы.

Хисуо: Ты был там! Конечно, был, и слепому ясно! Где мой отец? Что с вами сделали в краю теней? Что это за демоническое проклятие? Отвечай!

Хакурои: Глупец... маленький... Это всё не важно. Спаси свой клан, если успеешь.

Хисуо: Что? Что ты несёшь, что это значит?!

В тот момент молодого арандурца заметили новые стражи сада, явившиеся быстрее ожидаемого. Хисуо схватили, избили и увели в неизвестном направлении.

Глава 4. Предательство в Генсае

Квэй ничего не знал о старшем брате — и уже давно. Но спустя пару дней его вызвал господин ветра, император Тикура.

Квэй: Господин.

Тикура: Назревает мятеж, маршал Квэй. Мы должны сохранить мир любой ценой. Ступай в Генсай, Сетсуругу и его люди уже там. Возьми с собой пару сотен.

Квэй: Генсай? Что он там делает?

Тикура: Ожидает тебя, конечно же. Полагаю, при поддержке Им'Сай подавление мятежа и начнётся. Сейчас вы неравны, но после ты станешь полноправным хозяином Юрэдо. Сетсуругу будет там ещё несколько дней, вы успеете объединиться до его выдвижения на Агата-рай'Рю. Он сам тебе расскажет план.

Квэй: Да, господин. Я выдвигаюсь сейчас же.

Но когда маршал Квэй и его люди прибыли в Генсай, во владения Имэ'Кагай, то увидели дым, вздымающийся к облакам. Квэя охватил первобытный страх и ужас. Он и его люди потопились к родине.

— Неужели Агата-рай'Рю первыми нанесли удар? Как император этого не предвидел? Триклятым пророкам надо языки повырывать...

— Мы ничего ещё не знаем, быстрее.

Квэй: Вы, придурки! Быстрее! За мной!

— За господина, вперёд!

А когда они узрели побоище во владениях Им'Сай, Квэй и его люди замерли в тихом ужасе. Это были не мечи из Агата-рай'Рю. Сетсуругу и штандарты Имэ'Кагай разорили Генсай, землю, где Фудзиро почитался мудрецами как голос ветра. Родину всего клана Им'Сай. Маршал немедля кинулся на ничего не ожидавших мечей империи, полный ярости за свой народ и семью. Рассекая одного за другим, он стремился к Сетсуругу. Воины империи, которые при- сягали Квэю, остались в стороне, не желая становиться изменниками. Квэй убил несколько десятков самураев, но в итоге пал.

Когда всё закончилось, а вокруг были лишь павшие и раненые, Сетсуругу и его люди ушли в неизвестность. Люди Квэя дезертировали, а сам мечник умирал, взирая на возлюбленную неподалёку.

Тем временем император размышлял о бессмертии и своём новом цветочном пророке. Хоть эликсир он и не получил, но бывшего маршала — тем, чем тот стал, — ценил выше всех богатств. Император пошёл в тот самый сад, желая вопрошать об архипелаге и о других непостижимых вещах. Даже написал на пергаменте список вопросов, дабы ничего не упустить. Но когда пришёл в сад, то, к великой досаде, пророк цветов пропал.

К телу Квэя подполз Хакурои — подобно лозе и цветам,двигающимся самостоятельно. Несколько тонких корешков отсоединились от основной дюкайской мицелии и впились в жилы умирающего Квэя, заползли в него подобно червям. Один из его мечников не ушёл: он видел всё, что произошло, и хотел совершить харакири перед разорённым кланом и перед телом господина, которого предал.

Но внезапно маршал Квэй дёрнулся — глаза его открылись, на мгновение ставшие как чёрная ночь. Он встал плавно, в неестественной до жути тишине. Его воин не успел убить себя

до явления чуда, взирая с колен на восставшего господина. Квэй лишь наклонил голову набок, осмотрев вокруг и обратив внимание на своего бывшего мечника.

Квэй: Встань.

— Господин... Мой господин. Позвольте извиниться за всё, что император сотворил. Я сделаю это согласно всем традициям.

Квэй: Не стоит прилагать это усилие. Я помогу.

Квэй сам убил одного из тех, кто предал его, — пробил рукой грудь труса насквозь. А после обратил внимание на горизонт юга: он видел призрачное древо, возвышающееся к небу, манящее. Квэй послушно побрёл к южным гаваням, без еды и воды. Его ничего не волновало, кроме голосов с южного горизонта. Добравшись до небольшого порта поздним вечером, он увидел небольшую канонерку, принадлежавшую кому-то из Имэ'Кагай. Собравшись в неё залезть, он был замечен лодочником и наёмником. Они не ведали о том, кто такой этот молодой арандурец в разодранной одежде, и признали его вором.

Наёмник подошёл с недовольным возгласом о собаках. Квэй равнодушно пошёл навстречу. Тот воин уже хватался за рукоять катаны. Квэй, подобно тени, выхватил танто из его же пояса с другой стороны, рассёк ему горло, а пока тот захлёбывался кровью, равнодушно заколол и лодочника, оставив танто в нём. После чего сел на лодку и поплыл в морскую неизвестность.

Глава 5. Вечная Матерь

Когда Кастинель прикоснулась к голове Квэя, глубокие и недавние воспоминания его жизни предстали перед ней наяву. Вечная Матерь наблюдала с лёгкой улыбкой, как Квэй сражается с людьми императора. Он был объявлен изменником за отказ в аресте собственного брата. Его люди не встали на его сторону — страх перед Сетсуругу и его гвардией оказался сильнее верности. Полсотни людей Квэя стояли и молча наблюдали за резнёй, устроенной маршалом. Однако Квэй убил гвардейцев и лишь до маршала не смог дотянуться. Будучи смертельно раненным, он перерубил горло последнему из пары десятков, после чего пал. Сетсуругу оставил его умирать и испарился в неизвестность. Люди молодого генерала бежали, не желая участвовать в этом. Квэй подполз к телу возлюбленной, обняв её со стиснутыми зубами, со слезами на глазах, полными горечи. Узрев сию картину, Вечная Матерь поняла, что этот иноземец совсем не таков, как те, что разорили Суа'Харай.

Квэй: В этой жизни или в иной — я отомщу. И мы снова будем вместе. Юрико, обещаю...

Кастинель: Он смертный, и он был обречён, но... он здесь, на земле вечности. Что спасло его? Что указало ему дорогу ко мне?

Несколько мгновений спустя она обратила взор на север. Оттуда медленно ползло тело генерала Хакурои, всё с той же счастливой улыбкой. И когда оно достигло умирающего Квэя, несколько тонких корней, подобно паразитам, перешли из его вен к новому носителю. Квэй судорожно задёргался, распахнув глаза, сделал глубокий вдох. Тело старого генерала стремительно разложилось, а цветы увяли и рассыпались в пыль. Вечная Матерь изумилась.

Кастинель: Молодые побеги Харай... Тианора... Солнце моё, твой промысел... ради высшей цели. Он должен очистить свою землю от разрастающейся скверны? Я была слепа. Ты не просто жива — ты вершишь справедливость. Ты видишь то, чего мне не дано.

Когда арандурец проснулся, то понял, что спит на непонятном сплетении из корней, листьев и коры, в небольшой роще, сквозь которую на лицо падали лучи света. Поднявшись и осмотревшись, первое, что тот увидел, — это обрыв неподалёку, на краю которого сидела женщина в тёмных одеяниях, с длинными чёрными волосами, развивающимися по ветру. Она смотрела куда-то вдаль. Квэй благодарил за доброту и заботу, но, подойдя к краю, увидел её лицо, покрытое неведомыми тёмными знаками, но прекрасное, как свет луны. Кастинель рав-

нодушно посмотрела на него, отведя взгляд от горизонта. Вдали виднелся печально известный берег Суа'Харай. Квэя захлестнула тревога.

Кастинель: Сядь.

Квэй: Госпожа...

Кастинель: Ты боишься чего-нибудь? Помимо забвения?

Квэй: Вы... Я... не знаю, как к вам обращаться. Пожалуй... вы и есть страх.

Кастинель: Бессмысленный. А вот я... боюсь идти туда. Издалека горизонт кажется олицетворением мира. Когда-то так и было. Знаешь, что там случилось?

Квэй: Нет. Но я знаю, что император желал отыскать эту землю.

Кастинель: Когда-то я обещала вечный покой всем. Вечный мир и защиту от жестокости.

Квэй: Но вы же...

Кастинель: Заткнись и внимай.

Кастинель: Жители Суа'Харай верили — верили в обещанное мной. Как и многие другие поселения архипелага. Но однажды ветер с запада принёс смерть, неведомую моему взору. Дети Фудзиро принесли страдание моим детям. Зачем? Годами я размышляла об этом, но понять так и не смогла. Может, ты мне откроешь это таинство? На тебе его знак, и причём большой — он пометил тебя. Так скажи мне: что мой народ вам сделал? Зачем всё это?

Квэй: Император хотел получить эликсир бессмертия. Это всё, что я знаю.

Кастинель: Бессмертие... Вечная жизнь... Глупый смертный, возмнивший о себе невесть что. Они не понимают, как дорого приходится платить за такой дар. Они не готовы ничего отдавать — только забирать. Не ведает, что стоит за понятиями о вечности, смирении, самопожертвовании.

Квэй: Дух ветра молчалив. Уверен, он бы это не одобрил.

Кастинель: Души тех жителей — они до сих пор там, на берегу. Они полны горечи, они вопрошают: как я это допустила, почему не уберегла. Почему они умерли такой ужасной смертью. Они думают, что я их проклятие, считают, что их вера была ошибкой, что я предала их. Мне страшно туда идти снова, смотреть им в глаза. Я чувствую непоправимую вину перед Суа'Харай.

Квэй: Мне жаль.

Кастинель: Зачем ты здесь?

Квэй: Я не знаю, почему жив. Все, кого я любил... Их больше нет. Император беспощаден и безумен, он не остановится ни перед чем. Хисуо велел найти это место и указал путь. Сказал, что всё прояснится.

Кастинель: Я видела это. Ты был храбр в своей деревне, но ты не смог спасти тех, кого любил. Знаешь, почему ты здесь? Потому что ты что-то понял. А ещё потому, что моя старшая дочь дала тебе второй шанс. Твое спасение из объятий смерти — это не мой дар, а её... для тебя.

Квэй: Я... я не понимаю.

Кастинель: Если я твоё спасение, то ты — моё. Ты пойдёшь вместе со мной туда, на тот берег, где всё случилось. Ты пообещаешь духам Суа'Харай воздаяние.

Квэй: То есть жертвоприношение на своей земле?

Кастинель: Нет, искупление. Когда души примут твои слова, то смогут обрести единство с архипелагом.

Квэй: Хочешь сделать из меня оружие?

Кастинель: Не хочешь отомстить за свою Юрико? Конечно хочешь, ведь испуская дух, ты обещал.

Квэй: Я всего лишь один мечник. Что я могу сделать против целой империи? Я объявлен изменником, а мои люди предали меня. Но я не виню их — у них тоже есть семьи. У меня ничего больше нет.

Кастинель: Значит, они никогда и не были твоими воинами. Они служат угнетателю... или самим себе. Я видела, как они стояли и смотрели, пока ты прорывался сквозь боль и увечья. Они трусы, как и тот командующий, что сбежал, как только понял, что ты и его голову запросто снимешь. Цель была близка... Да...

Квэй: Ублюдки... Значит, это и была щедрая награда от господина... за все годы верности. Они забрали всё.

Кастинель: Не всё. Нет. Твоя жизнь и дальнейшая судьба всё ещё принадлежат тебе. Когда-то я была лишь жрицей, одной из многих. И тоже не могла пойти против верховного жреца и уж тем более пойти против небожителя — бывшего. Я творила во славу его ужасные дела, я убивала детей для него, дабы Багул был сыт и доволен. Всё моё бытие однажды разделилось на «до» и «после». То, кем я была раньше, нахожу как нечто отвратительное. Меня заботили лишь мои дети, а чужих я воспринимала как пищу для идола. Но после я обрела связь со всеми обитателями Дюкая. Все и каждый житель — большой и малый, старый и новорождённый — все они с той поры стали моими детьми.

Квэй: Хочешь сделать меня таким же?

Кастинель: Нет. Это невозможно. Брешь сквозь реальность, ведущая в место под названием Серый Остров, была лишь однажды — та, которая пропустила мой дух сквозь вечность и вернула назад. Больше туда ходу нет. Но я отведу тебя в другое место. Пойдём со мной, Квэй Им'Сай.

Глава 6. Путь к Харай

Около недели они двигались к древу, которое виднелось в глубинах дюкайского края. Кастинель сказала, что это сердце сада — там находится её дом, а в сердце древа Харай — её дочь.

По пути Квэй подмечал для себя радушие жителей: все улыбаются, обнимаются, помогают друг другу в быту, хлопают по плечу — словно в этом краю никогда и не было несчастий. Многие жители имели на коже похожие символы, что и на Кастинель. Ей никто не кланялся как госпоже, что Квэй нашёл необычным, ведь в Арандуре каждому господину кланяются и выражают почтение. А Кастинель подобна богу во плоти и в то же время от неё веет неслыханной скромностью. Дюкайцы знают её в лицо, но приветствуют лишь улыбкой и кивком головы. Квэй не удержался и спросил об этом.

Кастинель: Обожествление? Поклонение? Что за чушь? Зачем мне это? Потешить огромное «я»? Нет, это удел смертных, возмнивших о себе невесть что, тех, которые пытаются показать себя больше, чем есть на самом деле. Я точно знаю, кто я и кто они, и они это знают. Друг, их мать, верный защитник, соседка каждого из них, независимо от того, где они живут.

Квэй: Это очень интересный край. Вы и все эти чудесные люди...

Спустя несколько дней они добрались до небольшого дома, окружённого волшебной рощей, множества растений, цветов и плодов. Квэй никогда в жизни не видел ничего подобного — на Арандуре во всяком случае. Кастинель сказала, что к некоторым лучше не прикасаться: некоторые подвиды произрастают спонтанно, и какой они несут вред — неведомо даже ей.

Но у её скромного жилища в той самой роще к ней подбежала маленькая девочка, радуясь, что мама вернулась. Каири — выживший из Суа'Харай ребёнок, которого она приютила в своём саду. Вечная Матерь пригнулась к ней и погладила по голове.

Каири: Мама, Ситецелия опять не хочет есть. Может, он болеет?

Кастинель: Радость, не надо заставлять бедное растение есть, если оно не хочет. Я же не принуждаю тебя кушать против воли?

Каири: Эм... ну да... наверное.

Глядя на девочку, Квэй осознал, что арандурцы сделали этого ребёнка сиротой и лишь добродетелью той самой ведьмы, о которой столько слухов ходило на его земле, девочка обрела новый дом. Он спросил о растении, которое девочка упомянула. Оказалось, что это плотоядное, хищное и не всегда дружелюбное нечто. Кастинель указала на одну особь, произрастающую неподалёку: стебель, на вершине которого жёлтая зубастая пасть, а зубов — четыре ряда как сверху, так и снизу. Квэй хотел потянуть туда руку, но Кастинель остановила его своей женской рукой и сказала, что это плохая идея.

Кастинель: Не стоит, если дороги пальцы. Или ещё что-нибудь.

Каири: А что за человек? Он похож на художника.

Кастинель: Он друг Рамандаса, он не обидит тебя, солнце.

Так внезапно выяснилось, что арандурский художник выжил. И не просто выжил — стал лучшим другом малышки и мужем Кастинель. Рамандас защищал девочку, когда преступники бесчинствовали в Суа'Харай. Вечная Мать пощадила его, а после и полюбила. Всё это стало возможным лишь благодаря светлому сердцу и просьбе самой Каири, когда её будущая мачеха рвала на куски всех прочих иноземцев.

Кастинель: А он тебя знает?

Квэй: Не думаю. Но его знает весь западный Арандур — художества, по крайней мере. Его картины довольно странные, но многие находят в них некую уникальность.

Кастинель: Помимо того, что эти картинки шевелятся, словно живые?

Квэй: Серьёзно?

Кастинель: Да, так и есть. Уже не один десяток таких. Он и раньше был волшебником? Сплетение художеств и колдовства я узрела впервые — на его пергаментях. Это смогло растопить мои чувства снова, когда был лишь холод. Даже рисуя сад на манускриптах, будто ветер колышет флору...

Квэй: Его шедевры — просто картины у нас в стране. «Стая собак возле моста Эрои», «Кубок, наполненный элем, стоящий на фоне гавани Сета'Маки»... Немного странные картины, но они не шевелились.

Кастинель: Значит, дар яблока. Ясно. Рамандас стал волшебником уже здесь. Пойдём, мы должны добраться до Харай к вечеру.

Квэй: Яблоко? Что ещё за яблоки? Эликсир?

По пути она рассказала о случае, произошедшем несколько лет тому назад. В то время случилось всеобщее дюкайское чудо: великое древо на своей вершине, в небесной роще, дало плод. Всего один. Яблоко чёрного оттенка, с символом вечности, подобным тем, которыми покрыта Кастинель. Срывать его не решались — такую божественную красоту не желала трогать даже она. Об этом плоде стало известно ей лишь в видении: с поверхности увидеть его было бы невозможно даже вооружённым глазом, ибо небесная роща неспроста так зовётся. Заросли Харай почти касаются облаков, высота древа невероятная. Яблоко, как и древо, были провозглашены великим чудом, сравнимым лишь с перерождением жрицы в сверхсущность. Многие начали называть Кастинель ещё и Садовницей.

Однако яблоко было сорвано, и Рамандас стал одним из трёх, кто вкусил его сок. Малышка Каири и Тианора также вкусили его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.